

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
ORIENTAL COMMISSION OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Vol. XXXIV

Central Asia
and Far East

Edited by
I.F. Popova, T.D. Skrynnikova

MOSCOW
“VOSTOCHNAYA LITERATURA” PUBLISHER
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXXIV

Центральная Азия
и Дальний Восток

*Под редакцией
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2013

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
С83

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра РАН*

**Страны и народы Востока / Ин-т восточных рукописей РАН ;
Вост. комиссия РГО. — М. : Вост. лит. — 1959—.**

**Вып. XXXIV : Центральная Азия и Дальний Восток / под ред.
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. — 2013. — 374 с. — ISBN 978-
5-02-036542-1 (в пер.).**

В очередной выпуск продолжающегося издания вошли статьи по вопросам истории, этнографии, культуры стран и народов Востока. Рассматриваются различные аспекты распространения буддизма и положения буддистов в Монголии, публикуются материалы по этнографии народов Центральной Азии и Дальнего Востока, исследуется история литературы и искусства в Китае, Монголии и Бурятии. В разделе «Люди и судьбы» рассказывается о жизни и творчестве известных российских востоковедов — Ч.Ч. Валиханова и М.И. Тубянского.

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Редакционно-издательское оформление.

Издательская фирма «Восточная литература»,
2013

ISBN 978-5-02-036542-1

В.В. Щепкин

**ВЛИЯНИЕ ВОЗВЫШЕНИЯ МАНЬЧЖУРОВ¹
НА ФОРМИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

В 1630-х годах правительство Японии (*бакуфу*) издало ряд указов, которые завершили формирование системы внешних отношений, действовавшей с незначительными изменениями вплоть до середины XIX столетия. Зачастую систему эту характеризуют как политику самоизоляции, закрытости, используя при этом японский термин «*сакоку*» (鎖国, букв.: замкнутая страна). Слово это появилось только в начале XIX в.² на волне дискуссий о внешней политике, порожденной прежде всего визитом российского посольства Адама Лаксмана в 1792 г.³ Вошло же в активный политический язык оно лишь в пери-

¹ Указ об использовании чжурчжэнями самоназвания «маньчжуры» вышел в 1635 г., незадолго до того, как название династии Цзинь было изменено на Да Цин, а Хунтайджи объявил себя императором, тем самым высказав претензии на китайский престол. В тексте статьи при описании событий, относящихся к периоду до 1635 г., употребляется этноним чжурчжэни, а после 1635 г. — маньчжуры.

² А именно в 1802 г. — тогда переводчик голландского языка из Нагасаки Сидзуки Тадао впервые использовал это слово при переводе на японский главы из труда Энгельберта Кемпфера «История Японии». Ее название — «Вопрос о том, пойдет ли на пользу Японской Империи оставаться закрытой, каковой она сейчас является, и не позволять ее жителям вести торговые отношения с иностранными государствами как внутри страны, так и за рубежом» — Сидзуки лаконично перевел как «*Сакокурон*» (鎖国論), или «Вопрос о замкнутости страны». Стоит отметить, между прочим, что Кемпфер на поставленный вопрос отвечал утвердительно.

³ По большому счету только с приближением России к берегам Японии и прибытием первых посольств власти Японии начали осознать свой внешнеполитический курс как четко регламентированную систему отношений, не менявшуюся на протяжении многих десятилетий. И лишь после прихода посольства Резанова в 1804 г. сёгунат принимает такую политику за свой неизменный курс, который с этого времени и до Опиумной войны в Китае только ужесточается.

од *Бакумацу* (1853–1867) с открытием портов для западных держав и использовалось для критики предшествующего периода, когда европейцы, за исключением голландцев, не могли регулярно посещать Японию. То есть изначально термин «*сакоку*» употреблялся лишь в контексте отношений Японии со странами Запада, но затем он стал использоваться для обозначения внешнеполитического курса сёгуната Токугава в целом. В действительности правительство Японии, выстраивая систему внешних отношений в первой половине XVII в., вряд ли осознавало, что закрывает страну, и уж тем более вряд ли само этого хотело.

Система внешних отношений сёгуната Токугава выглядела следующим образом. Дипломатические отношения велись с двумя государствами региона — Кореей и королевством Рюкю. Они имели форму регулярных посольств со стороны этих государств ко двору сёгуна и ведения переписки. Торговля с этими странами также велась, но была отдана в руки княжеств Цусима и Сацума. Подобным образом княжество Мацумаэ на севере Японии обладало монополией в торговле с айнами. Айны посольств ко двору сёгуна не отправляли, но церемонии выражения покорности с подношением даров проводились на местном уровне, при дворе князя Мацумаэ. Кроме этого, торговлю с Японией вели китайские и голландские купцы. Поскольку официальных отношений с Китаем и Голландией не было, торговля с ними формально была отдана в руки частных лиц, которые тем не менее находились под контролем наместника *бакуфу* в Нагасаки (*Нагасаки бугэ* 長崎奉行). Отношения с Кореей и Рюкю в период Токугава назывались «*цусин*» (通信), отношения с Китаем и Голландией — «*цусё*» (通商)⁴.

При построении системы внешних отношений правительство Японии руководствовалось целым рядом факторов. В Восточной и Юго-Восточной Азии на протяжении уже многих десятилетий одной из основных проблем была никем не контролируемая деятельность японских пиратов (*вако* 倭寇). Для подтверждения собственной легитимности на международном уровне сёгунам Токугава необходимо было в кратчайшие сроки решить эту проблему. Для этого была введена система лицензирования судов (*сюинсэн* 朱印船, букв.: суда с алой печатью)⁵, в рамках которой торговые отношения со странами региона

⁴ В частности, разница между ними видна на следующем примере. В отношениях с Кореей и Рюкю все связанные с ними финансовые затраты на территории Японии (прием посольств, отправка на родину потерпевших кораблекрушения) несла японская сторона. Китайцы и голландцы же сами несли все финансовое бремя, связанное с пребыванием на территории Японии, включая регулярные поездки голландцев ко двору сёгуна в Эдо.

⁵ На выдававшейся им письменной лицензии ставилась алая печать сёгуна.

могли вести только те купцы, которые получили официальное письменное разрешение от сёгуна, все остальные же выводились за пределы суверенитета Японии и в случае конфликта отдавались в руки местных властей. Вводя систему лицензирования торговых судов, власти Японии способствовали решению и еще одной проблемы — регулирования оттока драгоценных металлов, бывших основным предметом экспорта и расплаты за ввозившиеся товары, а также стабилизации торговых маршрутов и объемов торговли. Наконец, еще одной ключевой проблемой была безопасность. К 1630-м годам Япония так или иначе урегулировала свои отношения с большинством стран региона. Основным источником опасности внутри страны оставались христианские миссионеры, чье влияние все активнее распространялось в юго-западных княжествах. Для борьбы с ними власти прежде всего высылали их из страны, а чтобы минимизировать возможность приезда новых, в конечном счете запретили прибытие португальских судов, которые были основным средством доставки миссионеров, а также возвращение пробывших за рубежом дольше пяти лет японцев.

Однако борьба с христианством могла повлиять на политику лишь в отношении европейских стран и отчасти собственного населения. Правительство Японии вряд ли руководствовалось этим фактором в вопросе торговых отношений с айнами или выбора девизов правления в переписке с корейцами. Тем не менее вопрос безопасности в выстраивании отношений с ближайшими соседями Японии был также весьма актуален. Вот только источником опасности служили здесь не католические миссионеры из далекой Европы, а находившиеся сравнительно недалеко чжурчжэни, позже начавшие именовать себя маньчжурами. Объединение чжурчжэньских племен, их последующее усиление и приход к власти в Китае, эти не касавшиеся на первый взгляд Японии напрямую процессы, тем не менее оказали значительное влияние на формирование ее отношений с соседними странами и народами — Кореей, Рюкю и айнами.

Судя по всему, японцы впервые узнали о чжурчжэнях во время корейской кампании Тоётоми Хидэёси⁶ (1592–1598). В 12-й день четвер-

⁶ Тоётоми Хидэёси (1537–1598) — японский военный и политический деятель. Проявив свои способности в качестве полководца в конце периода Воюющих провинций (1467–1573), к 1591 г. он смог завершить объединение страны и осуществил ряд реформ, заложивших основы мирного существования государства в период Токугава (1603–1867). В 1592 г. организовал нападение на Корею с целью последующего захвата минского Китая, известное в корейской историографии как Имчжинская война. По одной из версий, это было сделано для удаления с архипелага влиятельных полководцев, потерявших в результате объединения государства свои земли и власть и потому испытывавших недовольство по отношению к Хидэёси.

той луны 1592 г. японские войска высадились в Пусане. Захватив Сеул, они приступили к покорению восьми корейских провинций. Полководец Кониси Юкинага (1555–1600) отвечал за нападение на северную границу провинции Пхёнандо, граничившей с полуостровом Ляодун, а другой военачальник, Като Киёмаса (1562–1611), должен был покорить провинцию Хамгёндо и выйти к границам края, называемого в японских источниках Оранкай (兀良哈)⁷. 23-го числа седьмой луны Като Киёмаса пересек реку Туман и несколько дней продвигался в глубь земель Оранкай, однако уже 13-го числа восьмой луны он вернулся обратно в Хамгёндо. Спустя месяц в письме советнику Хидзёси он отмечал: 1) в земле Оранкай нет правителя, она напоминает страну «военных лиг» (*икки* — 揆), каждая из которых имеет свой опорный пункт; 2) корейцы боятся людей из Оранкай; 3) Оранкай примерно в два раза больше Кореи; 4) люди Кореи и Оранкай отличаются по своим физическим характеристикам⁸. Людьми, населявшими Оранкай, и были чжурчжэни. Хотя, судя по некоторым другим источникам, японцы еще не совсем четко понимали, что это за народ. Так, в одном меморандуме, написанном в 1593 г. в Пусане, говорилось, что к северу от Кореи есть страна, которую в Китае называют Та-та, в Корею — Оранкай, а в Японии — Эдзо⁹. То есть земли, населенные чжурчжэ-

⁷ Этноним «Оранкай» (или «Урянхай» в китайском прочтении) в зависимости от региона использовался в отношении довольно разных народов или групп населения. По мнению некоторых исследователей, это слово стали использовать в X в. переселявшиеся на территорию современных Монголии и Бурятии монголоязычные народы для обозначения иноэтнических раздробленных племен. Именно вследствие этого слово затем закрепилось за населявшими Алтай тюркоязычными народами, в частности тувинцами — в дореволюционной России именно в отношении Тувы употреблялось название Урянхайский край. По утверждению Г.В. Ксенофонтова, якуты использовали это слово для обозначения собственных предков из числа тунгусских народов (*Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. I. Якутск, 1992 (1937). С. 447*). Другие исследователи говорят об этом этнониме как о самоназвании древних эвенков (*Василевич Г.М. Уранкай и эвенки // Доклады по этнографии. Вып. 3. Л., 1966. С. 65–77*). Н.В. Кюннер пишет, что в китайских источниках «урянхай» используется в отношении конкретного племени кумоси, обитавшего в Западной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии (*Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 36*). По свидетельству Рашида ад-Дина, у монголов слово «урянхай» было общим для народов, населявших леса (*Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.–Л., 1952. С. 122–123*). Судя по всему, слово действительно употреблялось в отношении прежде всего тунгусо-маньчжурских народов.

⁸ Като Киёмаса мондзёсю 加藤清正文書集 (Собрание документов о Като Киёмаса) // Кумамотокэн сирё посэйхэн 5 熊本県資料中世篇 5 (Исторические материалы префектуры Кумамото: раздел Средние века, 5). — Кумамотокэн 熊本県, 1933. — Документ 15.

⁹ Дзоку гунсё руйдзю 続群書類従 (Классифицированное собрание разных книг, продолжение). — Дзоку гунсё руйдзю кансэйкай 続群書類従完成会 (Общество по созданию продолжения Классифицированного собрания разных книг). Токио, 1958. С. 383.

ниями, ассоциировались с землями к северу от Японии, населенными айнами¹⁰.

В 1598 г., после скоропостижной смерти Хидэёси японцы отступили из Кореи, однако интереса к землям к северу от Кореи власти Японии не потеряли. В 1599 г. в замке Осака состоялась встреча Токугава Иэясу, на тот момент главы совета пяти старейшин, и Какидзаки Ёсихиро (1548–1616), фактически владевшего южной оконечностью острова Эдзо. Какидзаки, пользуясь случаем, попросил смены фамилии на Мацумаэ. А Иэясу расспросил собеседника о ситуации в «северном Корё» (*Кита Корай* 北高麗), под которым имелись в виду земли к северу от Кореи (Оранкай)¹¹. Судя по всему, как и Хидэёси, Иэясу находился под влиянием представления, что земли Эдзо подходят вплотную к землям чжурчжэней. Однако Какидзаки Ёсихиро, возможно, удалось убедить Иэясу в обратном, поскольку в дальнейшем тот не предпринимал каких-либо серьезных мер во внешней политике в северном направлении, полностью сосредоточившись на выстраивании отношений с Кореей и Рюкю, а также ища пути для мирных переговоров с минским Китаем.

Тем временем в 1616 г. чжурчжэньский полководец Нурхаци, завершивший объединение чжурчжэньских племен под своей властью, принял титул хана и объявил о воссоздании чжурчжэньского государства Цзинь (кит. 金). Это обострило ситуацию в районе Ляодунского полуострова, где сходились границы трех государств — Кореи, минского Китая и Цзинь. В 1618 г. Нурхаци вторгся в минский Китай, и в сражении при Сарху-Алинь ему удалось нанести сокрушительное поражение объединенным китайско-корейским войскам. В 1621 г. он захватил крупнейшие к востоку от реки Ляохэ опорные пункты, Ляоян и Шэньян, который был переименован в Мукден и позже стал столицей. Нурхаци же двинулся дальше и в 1626 г. окружил Нинъюань. Однако благодаря использованию европейских пушек китайцы смогли отбить натиск чжурчжэней. Нурхаци вернулся в Мукден, где вскоре скончался.

Словом «эдзо» в Японии с XII в. обозначали земли к северу от Японии и населявших их людей (ассоциируемых с современными айнами). В тексте статьи при написании с заглавной буквы это слово используется в отношении земель прежде всего современного о. Хоккайдо, а при написании со строчной буквы — как этноним.

¹⁰ Сохранился веер, предположительно принадлежавший Тоётоми Хидэёси, с изображением карты Восточной Азии, на которой земли к северу от Японии смыкаются с землями к северу от Корейского полуострова и обозначены словом «эдзо» (подробнее об этом см.: *Kamiya Nobuyuki. Japanese Control of Ezo and the Role of Northern Koryo // Acta Asiatica*, № 67. The Toho Gakkai (The Institute of Eastern Culture), 1994. P. 51–53).

¹¹ Синра-но кироку 新羅之記録 (Записки страны Синра) // Син Хоккайдо си 新北海道史 (Новая история Хоккайдо). Т. 7. Хоккайдо-тё 北海道庁, 1969. С. 46.

После смерти Нурхаци ханский престол занял его восьмой сын Хунтайджи (Абахай). Следующие десять лет стали периодом превращения Поздней Цзинь из чжурчжэньского государства в многонациональное. К 1635 г. в подданство была приведена Внутренняя Монголия, а Хунтайджи принял титул монгольского великого хана. А в 1636 г., сменив название государства на «Дай Цин» (кит. 大清), он провозгласил себя императором, тем самым претендуя на звание общего для трех народов правителя, чжурчжэням же он повелел незадолго до того именоваться маньчжурами.

В Корею в 1608 г. на престол взошел Кванхэгун. Тремя годами ранее Нурхаци отправлял в Корею письмо с просьбой о дружеских отношениях. Однако, поскольку Корея была вассальным по отношению к минскому Китаю государством, Кванхэгун решил занять нейтральное положение между двумя странами. Тем не менее, когда от китайцев пришло требование о военной поддержке во время нападения Нурхаци в 1619 г., корейцы выделили армию в десять тысяч человек. В 1623 г. в результате переворота на престол взошел Инчжо. Выполняя обязательства перед соратниками по перевороту, он занял античжурчжэньскую позицию. Однако чжурчжэни, проиграв в битве при Ниньюань, решили укрепить тыл и в 1627 г. вторглись в Корею. Инчжо, пообещав братские отношения, смог заключить с ними мир. Когда же после укрепления тыла на повестку дня чжурчжэней встало нападение на Китай, Хунтайджи потребовал от Кореи преобразовать братские отношения в вассальные, а также выделить вспомогательное войско. В ответ Инчжо издал указ о всеобщей мобилизации. Воспользовавшись этим поводом, Хунтайджи лично во главе 130-тысячного войска вторгся в Корею и добился приведения ее в подданство.

Ощущая нестабильность у своих северных границ, Корея была крайне заинтересована в поддержании мира с Японией. Возможно, именно этим объясняется довольно быстрое заключение мирного договора по результатам корейской кампании Хидэеси в 1607 г., а также беспрекословное согласие на требования японцев об отправке посольств ко двору сёгуна. Корейцы были заинтересованы в приобретении японского артиллерийского оружия, действие которого они смогли ощутить на себе незадолго до этого, и на начальном этапе княжество Цусима активно им его продавало. Однако в 1617 г., во время визита второго посольства из Кореи правительство Японии запретило продажу оружия иностранцам, а в 1621 г. — вывоз оружия из страны вообще¹².

¹² *Арано Ясунори* 荒野泰典. Эдо бакуфу то хигаси Адзия 江戸幕府と東アジア (Сёгунат Токугава и Восточная Азия). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 2003. С. 88.

Однако после сражения при Сарху-Алинь мощь Поздней Цзинь становится очевидной и для японцев. Бакуфу через приезжающих в Нагасаки китайцев узнало о захвате чжурчжэнями Ляодунского полуострова и, жестко упрекнув княжество Цусима в несообщении этой информации, приказало вести более активный сбор сведений. В итоге эти сообщения были подтверждены и корейской стороной. В 1622 г. княжество передало Корею, что в случае необходимости бакуфу готово отправить вспомогательный военный контингент. В ответ на это корейское правительство хоть и отказалось от военной помощи, но просило наладить поставки оружия. Княжество Цусима начало такие поставки, не дожидаясь воли бакуфу, и только по сохранившимся источникам известно о 14 случаях таких поставок в период с 1623 по 1630 г.¹³

Узнав от княжества Цусима о вторжении чжурчжэньских войск в Корею в 1627 г., бакуфу приказало отправить посольство для сбора информации. Посольство было отправлено в 1629 г. Впервые со времени корейской кампании Хидэёси японцам было дозволено войти в Сеул. Однако к тому моменту чжурчжэньские войска уже покинули территорию страны, да и отправка войска была не выгодна также переговорщикам — представителям княжества Цусима, на плечи которых, во-первых, легла бы обязанность исполнения этой инициативы и которые, во-вторых, понесли бы определенные торговые убытки от эскалации конфликта на Корейском полуострове. Поэтому предложение японской стороны закончилось ничем.

Когда чжурчжэньские войска во второй раз вторглись в Корею и заставили ее признать свой вассалитет, они также направили через Корею подобное требование и Японии. Однако благодаря тому, что Корея в одностороннем порядке решила не исполнять его, требование не было выполнено. Так смена династии в Китае косвенно коснулась и Японии. Если во время первого нападения чжурчжэней на Корею японские власти всерьез говорили об отправке военной помощи в Корею, то на этот раз отправка даже не обсуждалась. В бакуфу рассматривалась также просьба династии Южная Мин о военной помощи, поступившая в 1646 г., однако после получения информации о падении замка Фучжоу дискуссия по этому вопросу прекратилась¹⁴.

Бакуфу решило не вмешиваться в процессы на материке, в частности, потому, что к 1636 г. было практически закончено формирование системы внешних отношений, о которой говорилось выше. Установив регулярные дипломатические отношения с Кореей и Рюкю, урегули-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 159.

ровав торговлю с айнами, а также систематизировав поставки и поставщиков из числа китайских и голландских купцов, японские власти окружили страну своеобразными буферными зонами, с помощью которых дистанцировались от событий на материке, в частности в Китае. Возвышение чжурчжэней же сыграло в этом процессе важную роль. Если мы посмотрим на процесс формирования внешней политики сёгуната Токугава, то увидим, что он довольно четко подразделяется на два этапа. До 1616 г. основным направлением внешней политики стал поиск путей для переговоров с минским Китаем и восстановление торговых и дипломатических отношений с ним. Однако из-за того, что по разным причинам Китай на контакт не шел, а как раз с 1616 г. началось планомерное усиление чжурчжэней и их войны с Кореей и Китаем, Япония приступила к постепенной переориентации своей внешней политики, построив в конечном счете японоцентричную дипломатическую систему, выведя Китай за ее пределы.

Позже, когда к власти в Китае окончательно пришли маньчжуры, в Японии, как и в других странах региона (Корея и Вьетнаме), получили развитие идеи о том, что Китай, будучи покоренным варварами, перестал быть центром вселенной, которые немало способствовали формированию представлений о Корее как маленьком Китае или о Японии как истинном Среднем государстве¹⁵. В Японии маньчжурскую династию называли не иначе как Даттан (韃靼)¹⁶, не скрывали своего презрительного к ней отношения и ни разу не пытались завязать с ней хоть какие-то отношения.

Однако это объяснялось не только неприязнью, но и простыми опасениями попасть под удар воинственного народа. Когда маньчжуры привели в подданство королевство Рюкю, бакуфу всерьез опасалось, что рюкюсцы будут включены в административный аппарат Китая и начнут перенимать маньчжурские порядки, такие как ношение косичек. Бакуфу тогда решило оставить все на усмотрение княжества Сацума, которое и отвечало за отношения с этой страной (так же оно поступит позже, когда установления торговых отношений от Рюкю потребует американский коммодор Мэтью Пэрри в 1853 г.). Однако опа-

¹⁵ См., например: *Маранджян К.Г.* Интерпретация китайской схемы «Среднее государство — варвары» в учении Сато Наоката // 20-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть 1. М., 1989. С. 190–194. Спустя более 150 лет после описываемых событий японский мыслитель Хаяси Сихэй также уподоблял современных ему маньчжуров монголам времен династии Юань, во время правления которой произошли единственные на тот момент внешние нападения на Японию, и призывал власти задуматься об обороне страны. См.: Кайкоку хэйдан (Военные беседы о морском государстве) Хаяси Сихэй. Предисл., пер. с яп. и коммент. В.В. Щепкина // Письменные памятники Востока. 2010. № 12 (1). С. 54–55.

¹⁶ Так в Китае называли монголов и другие северные по отношению к Китаю народы.

сения бакуфу оказались напрасными: маньчжуры лишь обязали Рюкю раз в два года отправлять в Китай посольство с данью. Тем не менее бакуфу продолжало тщательно скрывать от маньчжуров свои отношения с Рюкю, опасаясь военного конфликта с ними¹⁷.

Большое влияние возможная опасность агрессии со стороны маньчжуров оказала и на отношения японцев с айнами. Торговля японцев с айнами велась на основании сертификатов, выдававшихся бакуфу княжеству Мацумаэ (*кокуиндзё* 黒印状 или *сюиндзё* 朱印状). Содержание сертификатов, выданных первыми тремя сёгунами, было идентичным. Текст их был следующим:

«Тем, кто приезжает в Мацумаэ из других провинций, запрещено вести торговлю напрямую с *эдзо* без разрешения главы провинции Сима¹⁸. О тех, кто приплывает в земли Эдзо и ведет торговлю без разрешения главы провинции Сима, должно непременно сообщаться. Что касается *эдзо*, им позволено плавать туда, куда они захотят. Строго запрещено обращаться с *эдзо* несправедливо. Те, кто нарушит вышеуказанные правила, будет строго наказан»¹⁹.

Последний сертификат с таким текстом был выдан княжеству Мацумаэ в 1634 г. Однако следующий сёгун Иэцуна в 1664 г. выдал сертификат с уже измененным текстом. «Тем, кто приезжает в Мацумаэ из других провинций, запрещено вести торговлю напрямую с *эдзо*. О тех, кто приплывает в земли Эдзо и ведет торговлю, должно непременно сообщаться». То есть из текста исчезли фразы «без разрешения главы провинции Сима».

Из записок европейских миссионеров Иеронимо де Анжелиса и Диего Карвалью (1618 и 1620 гг. соответственно) мы узнаем, что торговля японцев с айнами велась в форме приездов айнов из разных частей острова в княжество Мацумаэ²⁰. Однако Маартен де Фрис, который побывал у берегов Хоккайдо в 1643 г.²¹, говорит уже о другой форме

¹⁷ Арано Ясунори. Сёгунат Токугава и Восточная Азия. С. 159.

¹⁸ Под «главой провинции Сима» (*Сима-но ками* 志摩守) имеется в виду глава княжества Мацумаэ. Должности глав провинций в период Эдо носили исключительно роль титула, названия провинций зачастую не совпадали с названиями территорий, которыми в действительности управлял носитель титула. Так, провинция Сима занимала территорию современного полуострова Сима, т.е. восточную оконечность преф. Миз, в то время как княжество Мацумаэ располагалось в южной оконечности современного Хоккайдо.

¹⁹ Цит. по: *Kamiya Nobuyuki*. Japanese Control. P. 57.

²⁰ Hubert Cieslik (ред.). Хоппо танкэнки 北方探検記 (Записки об экспедициях на север). Токио: Ёсикава кобункан 芳川弘文館, 1962. С. 56, 68–69.

²¹ Подробнее о его экспедиции см.: *Гришачев С.В.* Плавание Маартена де Фриса: история, картография, историография // История и культура традиционной Японии 3 / Отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2010 (сер. *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXXII). С. 168–182.

торговли, при которой японские суда прибывали в земли айнов²². В том же году в западном Эдзо под предводительством Хэнаукэ произошло восстание айнов, бывших долгое время сравнительно спокойными по отношению к японцам.

Судя по всему, в 1643 г. уже действовала система предоставления в качестве жалования торговых площадок (*акинауба тигёсэй* 商場知行制), в рамках которой за вассалом князя Мацумаэ закреплялся тот или иной район земель Эдзо, и населявшие этот район айны могли торговать только с ним или его представителями на собственной территории. Получается, что система эта была введена между 1634 и 1643 гг., и есть основания полагать, что возможная опасность со стороны маньчжуров сыграла в этом не последнюю роль.

В 1669 г. служащий *бакуфу* Хаяси Дзюнсай писал: «До меня дошли слухи, что купцы из Мацумаэ стали ездить в земли Эдзо и покупать соколов, в ответ на что эдзо подняли восстание и убили 30 человек из Мацумаэ. Некоторые говорят, что эдзо готовятся напасть на Мацумаэ, а в Мацумаэ, следственно, к этому готовятся. Другие говорят, что эдзо думают о том, не попросить ли помощи у татар, и потому старшие советники приказали княжеству Цугару, чтобы оно помогло Мацумаэ в случае неудачного поворота событий там. Цугару вскоре вернуться в свое княжество, подготовят войска и будут ждать. Но я не знаю, в чем действительно дело. Цугару лежит в восточной оконечности Осю, Мацумаэ — к северу от него, а земли Эдзо граничат с Татарией»²³.

Действительно, изменение схемы торговых отношений с айнами трудно назвать логическим следствием их развития. До 1630-х годов айны были полноценными и независимыми игроками в системе торговых отношений Восточной Азии, предметами торговли были как добытые ими в собственных землях рыба, перья и пр., так и товары, полученные в рамках той же торговли от соседних народов. С введением системы предоставления в качестве жалования торговых площадок власти княжества Мацумаэ способствовали тому, чтобы айны не покидали своих земель и использовались лишь в качестве рабочей силы для добычи рыбы и других натуральных товаров с целью последующей их передачи японским купцам в обмен на рис и японские предметы быта. Таким образом, в конечном счете новая система могла быть нацелена на обретение контроля над айнами и недопущение их контактов с маньчжурами.

²² *Китакамаэ Ясуо* 北構保男. Сэнроппяку ёндзюсаннэн Аину сьякай тамбо ки — Фурису сэнтай кокай кироку 1643 年アイヌ社会探訪記—フリース船隊航海記録 (Информация об айнском обществе 1643 г. Записки экспедиции Фриса). Токио: Юдзанкаку сюпан 雄山閣出版, 1983. С. 111.

²³ Цит. по: *Kamiya Nobuyuki*. Japanese Control. P. 66–67.

Как мы смогли увидеть, власти Японии при выборе внешнеполитического курса в первой половине XVII в. и выстраивании отношений с ближайшими странами и народами (Кореей, Рюкю и айнами) постоянно учитывали ситуацию на материке, прежде всего в районе Ляодунского полуострова. Таким образом, возвышение маньчжуров и изменения в расстановке сил наряду с рядом других факторов оказали значительное влияние на формирование строго регламентированной системы внешних отношений Японии XVII–XIX вв., характеризуемой многими как самоизоляция.